

УДК 811.112.5

А. А. Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ, ИЛИ ЗЕРКАЛО ГОЛЛАНДСКОЙ ДУШИ

В голландской «наивной мифологии» голландцы — это собирательный образ по имени Jan (Ян), представленный в языке в виде 74 сочетаний и выражений, в большей или меньшей степени перешедших в разряд нарицательных. Анализ сочетаемостных особенностей нидерландского имени собственного *Jan* (Ян), ставшего нарицательным и употребляющегося в функции автоэтнонима, позволил выделить структурообразующие элементы голландской культуры, а также проследить эволюцию некоторых из них в процессе исторического развития. Удалось выяснить, что рассматриваемый автоэтноним содержит две ядерные семы: «обычный парень», «средний уровень». Все остальные словосочетания образованы в основном по модели *Jan* + вымышленная фамилия. С точки зрения семантики модель «выше нормы» в нидерландском языке не представлена, что объясняется желанием голландца быть «одним из всех». Модель «ниже нормы» представлена самыми разными вариациями со значением «простак». Анализ сочетаний с именем нарицательным *Jan / jan* (Ян) позволил продемонстрировать лингвистическую закрепленность структурообразующих ценностей голландской культуры, таких как стремление к равенству и равноправию, умеренность во всем, отсутствие авторитетов и героев, способность позаботиться о себе в любой ситуации. Наличие столь богатого материала на примере выражений с одной ключевой лексемой демонстрирует то, что подобные «ключевые концепты» обладают замечательным свойством притягиваться друг к другу и часто появляются в текстах рядом.

Ключевые слова: нидерландский язык, этноним, автоэтноним, стереотип, имя собственное, имя нарицательное, сочетаемость.

Alexandra Yakovleva

St. Petersburg State University

NATIONAL-GEOGRAPHICAL STEREOTYPES, OR THE MIRROR OF THE DUTCH SOUL

In the “Naive Mythology” of Dutch people is their own nation — a collective image of the name Jan, presented in the language in the form of 74-combinations and expressions to a greater or lesser extent, have fallen into the category of common nouns. Analysis of distributive restriction of Dutch proper name Jan, who became a common name and is used as an endonym made it possible to identify structure-forming

elements of Dutch culture, as well as to trace the evolution of some of them in the process of historical development. It found out that the reporting endonym contains two nuclear semes: “regular guy”, “mean level”. All other combinations are formed mainly on the model of Jan + fictitious surname. From the point of view of semantics model “above the norm” does not appear in the Dutch language, which is explained by the desire of a Dutchman to be “one of the all”; “below normal level” model shows a wide variety of variations in the value of “simpleton”. Analysis of the combination of a proper name Jan will demonstrate the linguistic structure-tightness values of Dutch culture, such as the pursuit of equality and equity, moderation in all things, the lack of authority and heroes, the ability to take care of yourself in any situation. The presence of such rich material expressions with one key lexeme shows that such “key concepts” have a remarkable property attract to each other, and often appear in the texts beside each other.

Keywords: Dutch, ethnicon, endonym, stereotype, proper noun, common noun, distributive restriction.

Речь пойдет о национально-географических стереотипах, т.е. о том, каким образом в нидерландском языке отражается «наивная мифология», описывающая характеристики своей нации. Объектом анализа стали сочетаемостные особенности нидерландского имени собственного *Jan* (Ян), ставшего нарицательным и употребляющегося в функции автоэтнонима (ср. *Иван* как собирательное наименование для русского человека или *Ханс* — для немца).

Строго говоря, в лингвистике принято различать два вида этнонимов: автоэтнонимы — самоназвания народов и аллоэтнонимы — названия, данные народу другими. В сочетании с относительными прилагательными названия национальностей формируют особую семантическую группу национальных стереотипов, отражающих наивное представление народа о другом народе или о самом себе. Так, голландцы считаются *жадными* у бельгийцев, а бельгийцы, в свою очередь, слывут *глупыми* в представлении голландцев.

Необходимо отметить, что настоящее исследование описывает лишь языковую реальность, т.е. особенности языкового поведения обозначенной группы слов. Не секрет, что закрепленные в языке сочетания этнонимов с определенным качеством могут быть никак не связаны с реальной действительностью, поэтому всестороннее изучение «справедливости / несправедливости» определенной характеристики — сфера интереса других дисциплин. Нас интересовала не степень правильности словосочетания как такового,

а то, что мы назовем лингвистической отмеченностью сочетания. А именно — синтагма признается лингвистически отмеченной для данного исследования, если она «может обозначать некоторую стандартную (лексикографически закрепленную) модификацию определенного качества. Ни наличие, ни отсутствие лингвистической отмеченности а priori, само по себе никак не связано с реальностью / распространенностью / типичностью данного качества у данной группы людей, лингвистическая отмеченность — следствие весьма прихотливой языковой воли, подчиняющейся собственным законам» [Рахилина, 2010, с. 96]. В частности, многие наблюдатели пишут о *русской терпеливости*, которая, однако, не вошла в русский язык, или о *лени* и *сибаритстве* для обозначения восточного человека как лингвистически отмеченные в русском языке, но свойственные, как известно, далеко не всем восточным людям [Рахилина, 2010, с. 95–105]. Таким образом, *национальный характер* здесь следует понимать как фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов [Шмелев, 2000, с. 338].

Наличие закрепленных в языке определительных синтагм о каком-либо народе — вещь сама по себе показательная. Как правило, лингвистически отмеченным оказывается представление о соседях (для нидерландского этноса это бельгийцы, немцы и французы), а также о народах, связанных общей историей или контрастных по большому набору характеристик. Так, русский язык демонстрирует богатую вариативность прилагательного *немецкий* с названиями качеств, причем большинство из них прямо противопоставлены русским (ср.: «Что русскому здорово, то немцу смерть»), а вот представление о голландцах в русском языке отсутствует, по крайней мере на уровне лингвистических данных.

В то же время совершенно особое место голландцы, по понятным историческим причинам, занимают в языковом сознании англичан. Выражений с аллоэтнонимом *Dutch* в английском языке сотни: *Dutch party* (вечеринка, на которую приходят со своим алкоголем), *Dutch condolence* (скупое сочувствие, например: «понижили в должности — радуйся, что не уволили»), *Dutch concert* (кто во что горазд), *Dutch uncle* (человек, вечно поучающий других), *Dutch crossing* (переход перекрестка наискосок, как в прямом, так и в переносном смысле) и др. Все эти голландские стереотипы име-

ют ярко выраженную негативную окраску — расчетливость, скупость буквальная и эмоциональная, прагматичность, желание получить всех и каждого, жажда наживы любой ценой, самодурство.

Примечательно, что новые словосочетания на основе этнонимов образуются по сей день. Х. Плей отмечает появление в 2000 г. в газете «Вашингтон Пост» глагольного сочетания *Dutching the food* (досл. *голландить еду*) для обозначения мошенничества сети американских супермаркетов, облучавших ультрафиолетом продукты питания с почти истекшим сроком годности, чтобы продавать их на несколько дней дольше [Pleij, 2010, CD 1: track 6–9]. Американцы, для которых *жажда наживы любой ценой* традиционно ассоциируется с национальной голландской чертой, это выражение моментально поняли, приняли и взяли на вооружение. Подобные примеры демонстрируют актуальность темы, а также то, что устоявшиеся национальные стереотипы, складывавшиеся веками, продолжают не только копироваться другими или собственным языком, но и видоизменяться под влиянием современных условий. Еще один пример такой исторической эволюции, который приводит Х. Плей, — понятие *Dutch wife* (досл. «голландская жена»), появившееся во время Второй мировой войны у японцев на территории оккупированной Индонезии для обозначения подушки, заменявшей японским солдатам женщину. В современных японских магазинах эротических товаров под этим английским названием продаются надувные резиновые женщины, копирующие представление японского потребителя о голландцах как о нации, где все должно быть *недорого, быстро и удобно*.

Рассмотрим психолингвистический аспект проблемы. Некоторые качества и характеристики по тем или иным причинам все же вошли в язык, и, как следствие, говорящие на определенном языке действительно *приписывают* соответствующие качества их носителям. Об этом, в частности, пишет Кобозева [Кобозева, 1995], а уже упоминавшийся Х. Плей в цикле лекций по истории нидерландской культуры утверждает, что так называемым коллективным менталитетом продиктованы многие модели поведения человека или целых групп людей. Это выражается, в частности, в желании противопоставить себя приписываемому качеству (например, некоторые голландцы оставляют за границей в ресторанах слишком большие чаевые, чтобы не показаться жадными и выделиться

на фоне большинства соотечественников) [Pleij, 2010, CD 1: track 2–5] и играет роль в процессе воспитания и образования (например, когда русским детям в школе рассказывают о том, что нужно читать книги, ведь русские — самая читающая нация).

Говоря *мы* — *русские* или *мы* — *голландцы*, каждый из народов подразумевает определенный набор качеств, которыми он наделяет собственную нацию как общность, снова оговоримся, не всегда будучи правым. Тем не менее рискнем предположить, что характеристики, даваемые нацией самой себе, будут иметь больше совпадений с реальностью, чем взгляд на другие народы со стороны, по причине большей осведомленности, а также окажутся более взвешенными, без «перехлестов» в сторону отрицательных черт. В ходе исследования лингвистической отмеченности национальных качеств голландцев, приписываемых ими самим себе, их самоидентификации, обнаружили две любопытные закономерности, которые во многом повлияли на выбор темы, подход к материалу и постановку задачи.

Во-первых, лингвистически отмеченных определительных синтагм с этнонимами *Nederlands* (нидерландский) или *Hollands* (голландский), которые хоть как-то характеризовали бы народ, не оказалось. В этой связи уместно вспомнить высказывание классика нидерландской литературы XX в. В.Ф.Херманса, произнесенное одним из его персонажей: «У каждого голландца глубокое чувство неприязни по отношению к Голландии. Это наша главная национальная черта» [Hermans, 1992].

Во-вторых, исследование показало, что выражений, характеризующих самих голландцев, в нидерландском языке немало, но существуют они «от третьего лица». Подобная «опосредованная» манера говорить о себе вполне соотносится с такими выделяемыми многими исследователями национальными чертами голландцев, как желание *быть как все, умеренность*, стремление *не выпячиваться*.

Итак, в «наивной мифологии» голландец — это собирательный образ по имени *Jan* (Ян), представленный в языке в виде 74 сочетаний и выражений, в большей или меньшей степени перешедших в разряд нарицательных, а также ставших впоследствии частью сложных слов. Анализ этих выражений дает возможность выделить структурообразующие элементы голландской культуры,

а также проследить эволюцию некоторых из них в процессе исторического развития. Отметим также ощущение неперевоодимости подобных сочетаний на иностранные языки, учитывая плотность их ассоциативных полей.

В механизме, предполагающем мотивированность языковых форм, в принципе «нет места семантическому противопоставлению между словоизменением и словообразованием: все формы строятся по регулярным моделям, но в то же время их интерпретация апеллирует к семантике исходной лексемы» [Рахилина, 2010, с. 105]. Поэтому предлагается представить сочетания для обозначения жителя Нидерландов в виде лексико-семантического поля, где самыми широкими, корневыми оказываются: *Jan* (Ян), *Kees* (Кейс), *Kaas* (Сыр), *kaaskop* (сырная башка), а также сочетание *Jan Kaas* (Сырный Ян) и его уменьшительная форма *Jantje Kaas* (Сырный Янчик). По сути дела, все наименования сводятся к двум корневым понятиям — *Jan* (Ян) и *kaas* (сыр)¹, причем к семантической модели **имя собственное + определение**, где в функции определения может выступать как существительное, так и другое имя нарицательное или более сложное лексическое образование (согласно толковому словарю лексема *Jan* (Ян) в нидерландском языке может фигурировать как имя собственное *Jan*, имя нарицательное *jan*, местоимение *jan*, первая часть сложного слова *jan*-, глагол *jannen*).

Имя собственное *Jan* (Ян), образованное от библейского *Johannes* (Иоанн), служит для обозначения мужчины или юноши вообще в самом широком смысле — отсюда выражения *Jan en de hele wereld* (Ян и весь мир), *Jan en alleman* (Ян и все), а также сочетание с вымышленной фамилией *Jan Publiek* (Ян Публика), что значит *широкая публика*. Кроме того, встречаются варианты со сниженной коннотацией, например *Jan Rap en zijn maat* (Ян От-

¹ Можно с большой долей вероятности утверждать, что имя *Kees* (Кейс) в данном значении сводится не к сокращенной форме имени *Cornelis* (Корнелиус), а к одному из диалектных вариантов произношения слова *kaas* (сыр), о чем, в частности, пишет толковый словарь Ван Дале, считая *kaas* и *Kees* в популярном голландском выражении *Klaar is Kees!* (досл. «Кейс готов!»), означающем то, что говорящий завершил какое-то дело, вариантами слова *kaas* (сыр). Кроме того, имя *Kees* для обозначения голландца скорее аллоэтоним, поскольку так в шутку голландцев называют бельгийцы, причем есть все основания полагать, что здесь также «зашифрован» намек на сыр в сочетании с провинциальным произношением этого слова самими голландцами.

бросов и товарищи), т.е. *каждый встречный и поперечный*, в некоторых контекстах *всякий сброд*. Для обозначения *всех и каждого* также используется выражение, состоящее только из имен собственных, — *Jan, Piet en Klaas* (Ян, Пит и Клаас). Удалось выяснить, что все эти имена по отдельности вызывают разные ассоциации. Поскольку большинство мужчин в Нидерландах по своему роду деятельности были так или иначе связаны с морем, то *jan* (ян) как имя нарицательное — это моряк, матрос или его «сухопутный» вариант — официант, затем оно приобрело значение *простонародье, чернь*. Другое имя — *piet* (пит) — в функции имени нарицательного обозначает человека со статусом: *een hele piet* (досл. «целый пит») *важная птица*, *de hoge pieten uit Den Haag* (досл. «важные птицы из Гааги») *влиятельные люди*, *een piet in iets zijn* (досл. «быть питом в чем-либо») *разбираться в чем-либо*, *de grote piet uithangen* (досл. «играть важного пита») *вести себя надменно*. В той же функции *klaas* (клаас) вызывает ассоциации по внешнему виду — *верзила, неповоротливый малый*. Получается, что имена выбраны неслучайно, а Ян, Пит и Клаас — это все общество, условно говоря, *бедный, богач и чудака*, где Ян — это простой малый, представитель народных масс, некий эталонный представитель народа.

Значение эталона, уровня, по которому можно измерять, равнять, встречается и в других выражениях, например *Jan Modaal* (Средний Ян) *средний голландец*², *boven Jan zijn* (досл. «обогнать Яна») *преодолеть проблемы / набрать половину очков / перевалить через экватор* (например, при сдаче сессии) */ добраться до дома или биржевой термин* *bij Jan zijn* (быть у Яна) *добиться получения инвестиций*.

Характерны вошедшие в язык многочисленные сочетания рассматриваемой лексики в том числе с вымышленными или реальными фамилиями, конкретизирующие основное значение определяющего слова: *Jan Boezeroen* (Ян в робе) *рабочий*, *Jan Patat* (Ян Картошкин) *простолудин*, *Jan Grabbel* (Ян Хватайки) *мелкий обыватель*, *Jan met de pet* (Ян в кепке) *простой обыватель, рабо-*

² И.Б.Братусь приводит такие данные: по статистике, средний голландец — это человек с годовым доходом 30 тыс. евро, который съедает в год 84 кг мяса и 208 яиц, выпивает 100 л алкогольных и 98 л прохладительных напитков, 3–4 раза обращается к врачу, из автомобилей предпочитает «Фольксваген» и «Опель» [Братусь, 2015, с. 117].

чий, *Jan de loodgieter* (Ян сантехник) *простой человек, zo komt Jan Splinter door de winter* (так Ян Щепкин проживет зиму) *простой мужик должен позаботиться о себе сам*.

Отдельного комментария заслуживают сочетания лексемы *jan* с лексемой *kaas* (сыр). Если учесть, что *Kaas* (Сыр) — белокожий голландец (ругательство, употребляемое иммигрантами), а *kaas-kor* (сырная башка) — голландец по рождению, то их сочетание с рассматриваемым именем — это голландец «в квадрате». Действительно, если сочетанием *Jan Kaas* (Сырный Ян) обозначают моряков низшего ранга, а также простонародье, чернь, то уменьшительная форма *Jantje Kaas* (Сырный Янчик), хоть и с пометой «устаревшее», стало прозвищем самого короля Виллема I, а вслед за ним всех подданных — голландских солдат или, в более узком смысле, солдат колониального войска. Отметим ряд существенных деталей.

Во-первых, столь фамильярное, на первый взгляд, прозвище для монарха весьма ожидаемо в Нидерландах, где отсутствие авторитетов — одна из главных национальных черт. Между тем называть монарха «одним из народа», «таким, как все» — наивысшая похвала и по сей день. Х.Плей отмечает, что любой публичный человек в Нидерландах должен казаться «в доску своим парнем», в противном случае на карьере можно поставить крест. Поэтому попадание в нелепые ситуации и выставление себя в «неприглядном» свете — необходимая составляющая имиджа любого публичного голландца [Pleij, 2010, CD 2: track 1–3].

Во-вторых, характерно положительное значение форм с уменьшительным суффиксом по сравнению с их эквивалентом без такового. Это касается как примера, приведенного выше, так и самой лексемы *jan* и ее уменьшительного варианта *jantje* (янчик), обозначающего: 1) военный матрос; 2) голландский солдат; 3) смельчак; 4) подушка для опоры. Одна из немногих откровенно положительных характеристик встретила также в сочетании с уменьшительным суффиксом: *Jantje Stap allemachtig* (Янчик Семимильный) *человек, быстро и уверенно идущий вперед*. Замечено, что использование уменьшительных существительных само по себе может создать ощущение уюта [Левонтина, Шмелев, 2000, с. 346]. Экзистенциальное «умиление» перед всем маленьким напрямую связано с описанным выше любованием простотой, позволяя составить

ассоциативный ряд к определению «хороший» — *маленький, простой, такой же, как я*.

В-третьих, сочетание *Jan Kaas* (или его вариант *Kees*) вошло в английский язык как известное *yankiee* (янки), поскольку именно так в XVII в. англичане пренебрежительно называли голландцев, а впоследствии это слово заимствовалось из английского языка во многие другие, в том числе и в русский.

В-четвертых, отметим стеснительно-ироничное отношение голландцев к собственной армии и военным действиям как таковым. Большинство голландцев — ярые антимилитаристы, в Нидерландах нет памятников военачальникам или генералам, и героизация голландцам не свойственна, зато вызывают симпатию простой солдат, пехотинец, моряк, матрос, о чем говорит наличие в языке выражений: *Jan Compagnie* (персонификация Ост-Индской компании), *Jan Courage* (Ян Кураж) *отважный моряк*, *Jan Kordaat* (персонификация голландского солдата), *Jan Fuselier* (Ян Пехотинец) *пехотинец с ружьем* (в Индонезии). Иными словами, если и есть герой, то это простой голландский солдат, причем его деперсонифицированный образ: *Al is Jan Pieters dood daar leeft nog zijns gelijke* (досл. «Хоть Ян Питерс и умер, равный ему еще жив») *есть герои в нашем Отечестве*, причем, вопреки ожиданиям, Ян Питерс — это не конкретный исторический персонаж, а собирательный образ храброго воина.

Следующая группа выражений имеет в своем значении ухудшение основного признака: *Jan Joker* (Ян Джокер) *простофиля*, *Jan Eenoor* (Ян Одноух) *простак*, *Jan Kalebas* (Ян Бутылочная Тыква) *хвастун*, *een felle jan* (страстный Ян) *хвастун*, *'t is een jan van een bram* (не ежевика, а Ян) *хвастун*, *Jan Vlegel* (Ян Цеп) *невежа*, *Jan met de korte achternaam* (Ян с короткой фамилией — намек на голландский аналог русского нецензурного слова, также состоящего из трех букв) *придурок*, *Jan de Wasser* (Ян Полоскун) *подкаблучник*, *een slap jantje* (вялый Янчик) *бесполезный человек*, *Jan de Rijmer* (Ян Рифмач) *посредственный поэт*, *Jantje Soet* *сутенер*, *Jantje Beton* (Янчик Бетон) *ребенок, который скучает на природе*, *Jan Stapnetjes* (Ян Осторожный) *осторожный человек*.

Особую группу образуют выражения, обозначающие размер: *jan* (ян) *нечто важное, весомое*, *'t is een (hele) jan* (это (целый) Ян) *крупный парень*, *'t is een jan van een bram* (не ежевика, а Ян), *een jan*

van een appel (Ян среди яблок) *большое яблоко*, *een grote jan uithangen* (играть большого Яна) *важничать*, *een echte jan* (настоящий Ян) *начальник*. Сюда же, на наш взгляд, относится глагол *janpen* (досл. «янить») *играть важного*, а также выражение *jan van ras* *подходящий жених*. Значение размера, по всей видимости, возводится к семе «эталон», «стандарт», речь о которой шла выше. Выходит, что при всей простоте и обыкновенности Ян все же *большой и важный*, а это значит, что, условно говоря, быть Яном хорошо и правильно.

Еще одна традиционно голландская тема — банки, финансы и торговля — также представлена в анализируемых сочетаниях: *Jan oom* (дядя Ян) *ломбард / банк*, *выдавший кредит*, *het is hier Jantje Contantje* *здесь платят наличными*, *Jan Krediet* (Ян Кредит) *торговец, везде получающий выгоду*, *Jan Snotneus* (Ян Сопливый) *процентщик*.

К периферии анализируемого поля относятся сочетания, где лексема *jan* полностью утратила признак одушевленности: *Jan Gat* (Ян Дыра) *зброшенный город*, *wijn van Jan Langarm* (вино от Яна Длиннорукого) *вино из помпы*, *Jan Bil z'n wagen* (тачка Яна Ягодицына) *педальная тачка*, *Jan Langbeen* (Ян Длинноногий) *смерть*, *Jan* (Ян) *церковная колокольня*, *de vierkante Jan* (квадратный Ян) *можжевельная водка*, *Jan plezier* (Ян удовольствие) *многоместный крытый прогулочный экипаж*, *jan-in-de-zak* (Ян-в-кармане / мешке) *пирог из дрожжевого теста с цукатами*.

Анализ сочетаний с именем нарицательным *Jan / jan* (Ян) позволил выявить основные представления голландцев о самих себе как о народе, а также продемонстрировать лингвистическую закреплённость структурообразующих ценностей голландской культуры, таких как стремление к равенству и равноправию, умеренность во всем, отсутствие авторитетов и героев, способность позаботиться о себе в любой ситуации. Кроме того, в рассмотренных выражениях нашли отражение колониальная история страны, кальвинистские ценности и предпринимательский талант нации.

ЛИТЕРАТУРА

Братусь И. Б. Нидерланды: Лингвострановедческий словарь. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. 284 с.

- Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338–347.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 448 с.
- Шмелев А. Д. Широта русской души // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357–367.
- Hermans W. F. De tranen der acacia's. Amsterdam: G. A. Van Oorschot B. V., 1992. 424 p.
- Pleij H. Cultuugeschiedenis van Nederland. Hoorcollege over de historische ontwikkeling van de Nederlandse identiteiten. NRC Academie, 2010. CD 1–4.

REFERENCES

- Bratus' I. B. *Niderlandy: Lingvostranovedcheskii slovar'* [*The Netherlands: Linguistic and cultural dictionary*]. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbU Publ., 2015, 284 p. (In Russian)
- Hermans W. F. *De tranen der acacia's*. G. A. Van Oorschot B. V. Publ., 1992. 424 p.
- Kobozeva I. M. Nemets, anglichanin, frantsuz i russkii: vyivlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsii etnonimov [A German, an Englishman, a Frenchman and a Russian: national character stereotypes identification through the analysis of ethnicons connotations]. *Vestnik MGU. Series 9. Phylology*, 1995, no. 3, pp. 102–117. (In Russian)
- Levontina I. B., Shmelev A. D. [Native open spaces]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Eds. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 338–347. (In Russian)
- Pleij H. *Cultuugeschiedenis van Nederland. Hoorcollege over de historische ontwikkeling van de Nederlandse identiteiten*. NRC Academie Publ., 2010. CD 1–4.
- Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 448 p. (In Russian)
- Shmelev A. D. [The breadth of the Russian soul]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Eds. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 357–367. (In Russian)

Яковлева Александра Алексеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Alexandra Yakovleva

PhD of Philology, associate professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia 199034
E-mail: yakosasha@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.06.2016, принята к публикации 01.09.2016